

Екатерина Чёткина

ОБОРОТНЫЕ ЧУВСТВА

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ч-11

Ч-11 **Чёткина Е.**
Оборотные чувства / Екатерина Чёткина – М.: Литнет, 2025. – 282 с.

ISBN 978-5-521-94035-6

Эсмеральда не должна была выжить и обрести счастье. Всем назло она находит семью в клане оборотней. Чёрная кошка своя среди волков, до тех пор, пока не решает стать парой для будущего альфы. Недопонимание и гордость толкают девушку на долгий и тернистый путь к истинной любви.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94035-6

© Литнет, 2025
© Е. Чёткина, 2025

Часть 1

– Эсме, выходи, – раздался совсем близко противный голос Максима, четырнадцатилетнего хозяйского сына.

«Ага, сейчас, – фыркнула девчонка и плотнее прижалась к стене чердака, спрятавшись за коробками. – У меня прошлые синяки не зажили, чтобы новые получать... Пора отсюда бежать и чем скорее, тем лучше».

Эсмеральда не знала родителей, но считала их не слишком хорошими людьми. Нормальный человек не бросит месячную малышку в горах, где на много километров только лес и дикие звери. Ей крайней повезло, что был сезон охоты, и на неё наткнулся сердобольный старик и отнёс в приют. Именно он нарёк девочку странным и чуждым именем. Нянечка не раз рассказывала историю её появления, добавляя всё новые детали: дни тогда стояли морозные, пелёнка была из синего бархата со странными вензелями, врач поразился здоровьем малышки, а воспитатели – её осмысленным взглядом.

К двенадцати годам Эсме два раза забирали в семью. В четыре годика она попала к замечательной молодой паре, которые пробовали себя в роли воспитателей для детдомовского ребёнка. Не сложилось, переоценили силы.

Раньше Эсме считала, что хуже жизни в казённом доме ничего нет. Её вторая приёмная семья доказала обратное. Она часто задавалась вопросом: зачем им чужой ребёнок? Бесплатная рабочая сила? Девочка для биття? Дополнительный заработок? Сорокалетняя не улыбающаяся, неряшливая женщина никогда не сказала ей доброго слова и не попыталась установить нормальные отношения. Молчаливый мужчина с равнодушными глазами и целым сводом правил, вообще не замечал её до тех пор, пока Эсме не провинится. После он с удовольствием порол девчонку ремнём или ставил

в угол на горох. У них было трое собственных детей: пятилетняя Яна, десятилетний Егор и Максим. Если с тихой, немного трусливой малышкой они нашли общий язык, то с братьями всё обстояло печальнее. Старший сразу её невлюбил, а младший всё повторял за кумиром.

– Эй, цыганский подкидыш, от меня не спрячешься!

«Ага, – хмыкнула девчонка. – Поэтому ты меня постоянно ищешь... и обзываешься... Вот почему Максим решил, что я цыганка? Из-за чёрных волос? Зато я юбки цветастые не люблю и к золоту равнодушна. Нянечка говорила, что цыгане даже зубы из него делают».

– Не выйдешь, хуже будет, – обещал Максим, проходя в нескольких шагах от её убежища. – Мамка тебе столько работы оставила. Представь, как она разозлится, когда придёт с рынка.

Эсме чуть не взвыла, осознав, что в наказание останется без обеда, а может, и ужина. Кушать после утренней пшённой каши хотелось зверски. В последнее время аппетит сильно возрос, а кормили мало и не сытно. Девчонка постоянно голодала. Казалось, её желудок усох до маленькой монеты, а сама она напоминала оживший скелет. Лишь большие зелёные глаза отличали её от умертвия.

«С меня хватит! – решила Эсме. – Я лучше побираться по улицам буду или в лесу шалаш построю, чем здесь останусь... Но напоследок отплачу им за всё добро, что они для меня за два года сделали».

– Макс, её здесь нет. Она, наверное, в хлеве или сарае прячется, – еле слышно прошептал Егор.

– Скотину к скотине тянет, – хохотнул Максим собственной шутке. – Помнишь, как мы её в будке Трезора нашли?

– А то! Смеху было.

Эсме с силой сжала кулаки, так, что давно не стриженные когти вспороли кожу. Ей хотелось выскочить и расцарапать противным мальчишкам рожи. «Это вы скотины, а не животные! Они умеют слушать и сопереживать, а большинство людей лишь унижать

и командовать. Ненавижу!» – подумала Эсме, дрожа от негодования и обиды. – Если бы я была сильной или богатой, вы бы не посмели так со мной. Ничего я своего добьюсь, и тогда никто не решится даже косо посмотреть на меня».

Парни спустились с чердака, но девчонка не шевелилась до тех пор, пока их голоса не раздались на улице. Тогда она быстро вылезла из укрытия и кинулась вниз, в спальню к приёмным родителям. В сундуке у окна, под слоем новых тканей для шитья, мать семейства прятала деньги. «Отлично, теперь надо разжиться едой и одежду прихватить», – размышляла Эсме, пряча ценные бумажки в карман. В старую скатерть она кинула железную кружку, деревянную ложку, буханку хлеба, пару луковиц и шмоток сала, от аромата которого живот свело болезненной судорогой. Вот зачем прятать вкусную еду в подпол? Не сдержавшись, девчонка макнула палец в крынку со сметаной и довольно облизнулась. Как же хорошо делать то, что хочется, а не следовать чужим правилам и бояться наказания? Она только сегодня поняла, как глупо подстраиваться под других людей в надежде, что тебя полюбят.

Сердце девчонки билось в клетке из ребёр, ему не терпелось убежать из этого дома. В любой момент могли вернуться парни и помешать побегу. Эсме повязала на голову чёрную косынку, напялила старый мужской тулуп, который доставал ей почти до пят, закинула на спину узелок с провиантом. Чего-то не хватало? Её взгляд наткнулся на новенькие валенки с калошами, которые подарили Егору на день рождения. Такая обувь нечета её изношенным сапогам, а на улице середина марта, только снег сходить начал, да и то в деревне. В лесу ещё сугробы стоят. Она быстро сунула ноги в валенки. Как влитые. Всё складывалось удачно! Оставалось лишь незаметно ускользнуть. Эсме осторожно выглянула в сени. Никого. Наизусть помня скрипучие половицы, девчонка бесшумно добралась до двери, ведущей во двор, и прислушалась. Где-то слева раздавался недовольный голос Максима, справа – глухие удары мяча о стену.

«Не прорваться, – с отчаянием поняла Эсме. – Надо возвращаться и постараться замести следы преступления: вернуть деньги, продукты, оставить люк в подвал открытым. Мурка быстро туда заскочит и полакомится сметаной. Мне в любом случае попадёт, но за рассеянность... Не хочу! Даже на минуту здесь оставаться. Значит, надо что-то придумать, и отвлечь парней». Она огляделась по сторонам. В сенях особого порядка не наблюдалось. На стене висели старые плащи, не убранные с осени, в глубине валялись деревянные ящики, на шаткой скамейке лежали холщовые рабочие рукавицы, огарок свечи в сколотой чашке и спички. План в её голове созрел моментально. Эсме схватила спички и проскользнула обратно в избу. В большой комнате она подошла к любимым цветастым занавескам приёмной матери и остановилась, сомневаясь: «Так делать нельзя. Это очень плохо... А издеваться над детьми можно? Они успеют потушить. Ничего страшного не случится». Убедив себя, девчонка чиркнула спичкой и чуть подрагивающей рукой поднесла к занавескам. Огонь нехотя перебрался на ткань, пробуя и осваиваясь, и жадно стал поглощать предложенное угощение.

– Пожар, – неуверенно пискнула Эсме, с ужасом глядя на содеянное.

Комната наполнялась удушливым дымом. Если она не поторопится, огонь перекинется на мебель и тогда...

– Пожар! Горим! – заорала девчонка, что есть мочи, выскочила в сени и спряталась.

Ей не хотелось появляться перед парнями. Они запомнят странный наряд и узелок за плечами, а потом поймут, что она во всём виновата. «Ну, где же вы?», – волновалась Эсме, – Вы должны успеть! Я лишь хочу выбраться, а не спалить ваш дом». Казалось, время тянется слишком медленно. Наконец, раздался топот ног, и парни вбежали в дом. Последнее, что успела услышать девчонка перед побегом, это витиеватую ругань Максима.

Эсме с трудом заставила себя сбавить бег и перейти на шаг.

На неё обращали слишком много внимания. «Выгляжу как старуха, а несусь как ошпаренная молодуха. Надо найти палку, сгорбиться и медленно продвигаться в сторону леса, – решила девчонка. Она не сомневалась, что её будут искать. – Может, на болота пойти, где мы осенью с бабушкой Марфой бруснику собирали? Туда не сунутся, говорят, гиблое место. Или в Ведьмину чащу? Правда, я не знаю, где она. Макс часто Егору страшилки о ней рассказывал».

Деревня казалась бесконечной. Эсме шла, специально шаркая валенками, прислушивалась и вздрагивала от каждого резкого звука. «Дура! Что я натворила? Я преступница! Меня поймут и посадят в тюрьму, – завопила в ней паника. – Надо возвращаться и покаяться. Меня высекут и простят. Наверное». В памяти всплыли отрывочные разговоры соседей о прошлой сиротке, которая пропала за два месяца до её приезда. «Видимо, как я сбежала. Здорово будет встретиться в лесу, вместе жить веселее и теплее, – подумала Эсме и улыбнулась, увидев плотную стену хвойного леса. – Я свободна!». Девчонка радостно взвизгнула и понеслась вперёд. Она бежала, жадно вдыхая свежий прохладный воздух, в котором уже чувствовалось приближение весны.

Эсме потеряла счёт времени, сил почти не осталось. Ноги с трудом передвигались, живот недовольно бурчал и ныл. «Всё! Я достаточно далеко ушла от деревни, пора обустраиваться на ночлег, – решила девчонка, скинув узёлок на снег. Она потянулась, сунула руки в карманы тулупа и обнаружила в одном – тот самый коробок спичек и пару гвоздей, во втором – обрезок верёвки и с десяток сухарей. Последние были тут же съедены. Жизнь Эсме сразу стала веселее. Теперь можно расчистить немного пространства от снега, натаскать хвороста и разжечь огонь. Без лопаты и топора дело спорилось тихо. «Эх, жаль, сейчас не лето, – в который раз подумала Эсме, на манер собак, расчищая место. – Хорошо, хоть снега в этом году мало выпало, а то ведь и метровые сугробы бывают».

Огонь жадно облизывал сухие ветки, а девчонка представляла,

какой сейчас пир устроит – горячий чай с сосновой хвоей, чуть поджаренный хлеб и сало в прикуску с сочной луковицей. Эсме зажмурилась от предвкушения и сглотнула скопившуюся слюну.

Костёр дарил тепло, девчонка сидела на предусмотрительно наломанном лапнике, смотрела на пламя и зевала. После сытной трапезы глаза слипались. «Подкину побольше веток и вздремну немного. Шалаш завтра построю, – решила Эсме. – Может, даже до деревни схожу, топор добуду... Нет, я не украду, а возьму на время».

Эсме не сразу поняла, что её разбудило. Темно, огонь давно потух. По телу девчонки пробежал озноб, но не только от холода. Рядом кто-то был. Она чувствовала. Что делать? Притворится спящей? Заговорить? Эсме не знала, кого больше боится голодного зверя или человека, шатающегося ночью по тайге. «Может, он меня даже не заметил? – подумала девчонка, зажмурив глаза и молясь о чуде. – Уходи, уходи, прошу!». Еле слышный скрип снега. Так двигаться способно лишь животное. Эсме сжалась от страха: «Всё. Сейчас он меня сожрёт. Ой, жутко как!». Девчонка с трудом подавила желание закричать, вскочить на ноги и побежать, что есть мочи. Она понимала, тогда даже призрачного шанса остаться в живых не будет. Зверь всегда догоняет добычу... Он уже совсем близко, Эсме ощутила его запах. Волк. Жаркое дыхание опалило щеку и пропало. Девчонка лежала ни жива, ни мертва, но ничего не происходило. Она осторожно приоткрыла глаза. Тучи скрыли звёзды и луну, погрузив землю в непроглядную мглу. До её ушей долетал лишь шум ветвей и скрип старых деревьев. Ушёл? Почему он её не тронул? Лёгкая добыча, пусть и костлявая. Может, побежал друзей звать? Словно в подтверждении раздался протяжный волчий вой, ему вторил другой, третий. Эсме вскочила и стала искать приготовленные ветки, чтобы разжечь костёр. До самого утра она больше не сомкнула глаз. Идея жить в лесу нравилась всё меньше и меньше. Когда забрезжил рассвет, Эсме доела припасы и решила вернуться в деревню, а потом отправиться в город. Там она сможет затеряться и жить спокойно.

«Где же деревня? Иду-иду, а её всё нет. Неужели, не в ту сторону топаю», – испуганно подумала Эсме. Солнце добралось до зенита, а лес становился всё гуще. Живот заурчал, напоминая, что неплохо подкрепиться. В кармане от буханки хлеба осталась лишь жалкая корочка. «Ничего, продержусь как-нибудь. Человек без еды три дня может. Буду чай с хвоей пить, всё сытнее, – подбадривала себя девчонка, грызя чёрствый хлеб. – Потом обязательно выйду к людям, не к нашей деревне, так к другой. Не пропаду».

Эсме потеряла счёт времени, день сменялся ночью. Она научилась спать вполглаза и разводила несколько костров вокруг себя. Волчий вой, казалось, следовал за ней по пятам. Девчонка продолжала двигаться, сама не зная куда, из чистого упрямства. Её сознание затуманилось от голода, недосыпания и постоянной усталости. Она понимала, что скоро силы окончательно покинут её, и тогда... Об этом Эсме запрещала себе думать.

– Мне это кажется? – прошептала девчонка, с удивлением рассматривая избу, выросшую среди лесной чащи.

Огромные почерневшие от времени брёвна слагали дом без окон и дверей, но главное с крышей и печной трубой. «Наверное, тут охотники ночуют, – подумала Эсме, подходя ближе и осматриваясь. – Тропинки нет, снег не чищен. Значит, хозяев и гостей давно не было. Хорошо. Если всё сложится, спокойно отдохну пару дней, а то и недель. Надеюсь, еда там припрятана. Осталось понять, как внутрь забраться». Единственный найденный вход – еле заметная маленькая дверь, запертая на засов, почти под самой крышей. Вскоре девчонка отыскала в снегу лестницу и стала осторожно подниматься, бурча под нос:

– Кто только такое придумал? Это как сюда дрова и воду таскать? Безобразие... Хотя никакой волк не заберётся.

После некоторых усилий засов со скрипом отворился, и Эсме залезла на чердак. Пусто и пыльно. В носу засвербело, и она чихнула, потом ещё раз. Вдоволь начихавшись, девчонка наконец-то раз-

глядела люк, ведущий в дом. Замка на нём тоже не было, лишь засов. «Зверей опасаются, а не людей», – подумала Эсме, откидывая тяжёлый люк и заглядывая внутрь. Кроме верхних ступеней лестницы ничего не разглядеть. Темнота хоть глаз выколи. Тратить оставшиеся три спички, чтобы осмотреться, девчонке не хотелось. Она начала осторожно спускаться. Зрение медленно перестраивалось, помогая разглядеть очертания предметов. Русская печь, стол, лавка. По углам стояла такая темень, что могло стоять и прятаться всё что угодно. Эсме остановилась и прислушалась. Тихо. «Я здесь одна, и в темноте не прячутся чудовища. Это охотничья сторожка. Здесь безопасно, успокойся. Что ты мандражишь, как маленькая», – подумала она, отгоняя неприятное ощущение и продолжая исследовать помещение.

– У-у, – взвыла Эсме, запнувшись обо что-то на полу.

Разглядев поленья, да ещё и берёзовые, девчонка радостно хлопнула в ладоши и стала затапливать печь. Огонь разгорелся не сразу, пришлось потратить две драгоценные спички. «Надо не дать пламени погаснуть, – решила Эсме. – Иначе придётся мёрзнуть и кушать снег, а от него горло заболеть может. Болеть мне совсем нельзя... Как же есть хочется! Аж, кишки сводит!». Какова же была её радость, когда в одном углу обнаружился сундук, а там три коробка спичек и мешок с сухарями! Она хрустела ржаным хлебом и щурилась от удовольствия. Уютно трещал огонь, постепенно прогревая избу. Эсме сладко зевнула, забралась на печь, свернулась калачиком и провалилась в сон.

Целые сутки её организм не желал возвращаться в реальность, восстанавливаясь от нервного и физического истощения. Проснулась Эсме отдохнувшей, но замёрзшей и крайне голодной. Подкрепившись сухарями, девчонка решила выбраться на улицу, набрать дров и снега. Благо обнаружилось деревянное ведро.

Распахнув маленькую дверь чердака, Эсме хмуро посмотрела на полную желтоватую луну, царившую на небосклоне в окружении ярких звёзд. Спускаться в ночной лес небезопасно.